

Г. Д. БЕЛОВ, *Херсонес Таврический*, Гос. Эрмитаж, Л., 1948, 147 стр., 23 таблицы.

I

Над изучением Херсонеса Таврического наша отечественная историческая наука плодотворно работает уже свыше полутора века. Херсонес привлекал к себе внимание русских ученых как одно из крупных античных и средневековых государственных образований в Северном Причерноморье. Однако археологические исследования Херсонеса долго носили случайный, бессистемный характер. В 1888 г. Археологическая комиссия начала вести систематические исследования на территории херсонесского городища и его некрополей. Первый двадцатилетний период (1888—1907) этих работ связан с именем самоотверженного их руководителя К. К. Косцюшко-Валюжинича, успешно раскапывавшего Херсонес в крайне трудных условиях. Именно эти исследования впервые показали подлинный Херсонес, античную и средневековые его культуры во всей их замечательной яркости и конкретности.

В это время был добыт поистине громадный фактический материал, всесторонне обрисовывающий историю и культуру Херсонеса. Публикация археологического, эпиграфического и нумизматического материала, а также исследовательские статьи по отдельным вопросам, принадлежащие перу русских ученых, составляли достаточно внушительный список. И все же никто из дореволюционных специалистов — историков и археологов не сделал попытки дать научное обобщение всего имевшегося в наличии материала с тем, чтобы изложить последовательный ход социально-политической и культурной истории Херсонеса и показать его роль в исторических судьбах Северного Причерноморья. В этом отношении Херсонесу особенно не посчастливилось. Появившиеся в 1905 г. исторический очерк А. Бобринского «Херсонес Таврический» и в 1912 г. историко-археологический очерк Е. Э. Иванова были написаны с похвальной целью популяризации Херсонеса, но научный уровень этих книг был столь невысок, что оба названных произведения с полным правом можно отнести к категории чисто дилетантских работ.

Исключительно благоприятные условия для успешного развития историко-археологических исследований Херсонеса были созданы в советский период. Достаточно вспомнить организацию в Херсонесе прекрасного музея. Возобновленные в 1925 г. планомерные раскопки Херсонеса, ведущиеся с тех пор из года в год на протяжении последних двух десятилетий, дали много новых ценных открытий, позволяющих внести ясность в очень важные и существенные вопросы истории и истории культуры Херсонеса как античной, так и средневековой эпох.

Успехи полевых исследований Херсонеса в советский период сопровождались углубленным и не менее плодотворным изучением различных проблем его социально-экономической истории, истории материальной культуры, искусства и т. д. В этих условиях еще более остро стало ощущаться отсутствие сводной работы, в которой был бы представлен Херсонес в историческом развитии с охватом всех сторон его жизни, и притом на таком научно-методологическом уровне, который соответствовал бы современному состоянию нашей науки.

Принимая во внимание сказанное выше, следует с удовлетворением отметить выпуск Гос. Эрмитажем осенью 1948 г. книги Г. Д. Белова «Херсонес Таврический», представляющей собою, в сущности говоря, первый общий труд по античному Херсонесу, рассчитанный на широкий круг читателей и вместе с тем удовлетворяющий строгим научным требованиям.

Автор рецензируемой книги в течение почти четверти века неустанно работает как археолог над изучением Херсонеса. С 1921 г. раскопки в Херсонесе неизменно ведутся под его руководством. В лице Г. Д. Белова мы имеем в настоящее время, несомненно, одного из наиболее компетентных специалистов по Херсонесу, что нашло свое отражение и в написанной им книге.

Большим достоинством книги Г. Д. Белова является именно то, что в ней очерк

истории Херсонеса строится на основе всего имеющегося в наличии фактического материала — письменного и вещественного, включая тот свежий, интересный и очень обильный материал, который добыт при раскопках в советский период.

Ярко дана реконструкция облика античного Херсонеса как города, с его сетью улиц, общественных построек и жилых кварталов. Только в результате тех археологических исследований, которые проводились в последние десятилетия, Г. Д. Белов смог показать планы эллинистических домов Херсонеса и выяснить основные особенности их устройства.

В разделах книги, посвященных искусству Херсонеса, читатель найдет характеристику замечательных новых находок, как мраморных рельефов от саркофагов II в. н. э., найденных в 1935 г. (стр. 125 сл.) и ряда других памятников. Правда, в этой связи нельзя не пожалеть, что такая выдающаяся находка последнего периода исследований Херсонеса (раскопки 1938 г.), как превосходная эллинистическая мозаика с изображением умывающихся женщин (ср. ВДИ, 1938, № 3/4, стр. 238—242), только кратко описана (стр. 82), но не представлена в рисунках.

Книга Г. Д. Белова распадается на четыре главы. Глава I служит введением, и в ней автор характеризует источники по истории Херсонеса, освещая вместе с тем и историю развития историко-археологических исследований Херсонеса с конца XVIII в. до настоящего времени. После краткого очерка истории населения Крыма в доколониальный период освещается вопрос об основании Херсонеса греческими колонистами, а затем описываются крепостные сооружения города. Глава II охватывает историю независимого Херсонеса с конца V до конца II в. до н. э. Специальному рассмотрению в этой главе подвергаются экономическая жизнь Херсонеса, его государственное устройство и культура. Глава III посвящена периоду зависимости Херсонеса от Митридата и Боспора. Сюда входят войны Херсонеса со скифами, восстание Савмака и протекторат сначала Митридата VI Эвпатора, а затем Боспора. Глава IV трактует о Херсонесе в римский период, когда Херсонес находился в зависимости от Римской империи. Глава заканчивается рассмотрением вопроса о состоянии Херсонеса в позднеримский период и переходе его под власть Византии.

Основание Херсонеса автор рассматривает в соответствии с теми данными, которые получены его же раскопками (открытие древнейшего смешанного греко-варварского некрополя), и теми выводами, к которым пришел акад. А. И. Тюменев в своих в высокой степени интересных «Херсонесских этюдах» (ВДИ, 1938, № 2, стр. 245 сл.).

Возникновение Херсонеса как греческого города-колонии, заселенного гераклейцами, рисуется Г. Д. Беловым в виде оседания колонистов на месте уже существовавшего таврского селища. Таким образом, мысль Н. Я. Марра о том, что в Северном Причерноморье «греки явились на готовые места», т. е. на места, уже достаточно обжитые коренным населением, все более находит себе подтверждение в выводах наших советских исследователей, изучающих античные города на юге СССР.

Примыкая в вопросе о времени основания Херсонеса к А. И. Тюменеву, Г. Д. Белов относит это событие к 20-м годам V в. до н. э., подтверждая свой вывод показаниями массового археологического материала. Нет оснований не согласиться с этим. Очевидно, основание Херсонеса как гераклейской колонии падает действительно на конец V в. до н. э.

Однако сам Г. Д. Белов отмечает (стр. 30), что обычно основанию колонии предшествовала организация фактории, сезонного торгово-обменного пункта, служившего, как правило, важным подготовительным этапом к дальнейшей колонизации соответствующей местности. Следует думать, что нечто подобное было и на месте Херсонеса до того, как там обосновались гераклейские колонисты. Кажется мало вероятным, чтобы на протяжении более чем столетнего существования Ольвии, с одной стороны, и боспорских городов — с другой, район Херсонеса с его превосходными бухтами, столь удобными для укрытия и стоянки кораблей, не был использован торговым мореходством. Морскую станцию, эмпорий — вот что безусловно следует пред-

поселение у Карантинной бухты в период, непосредственно предшествовавший основанию Херсонеса гераклейскими переселенцами. И некоторые археологические материалы (керамические находки) предшествующего периода, очевидно, могут помочь в решении этого вопроса, почему-то не привлечшего к себе внимание Г. Д. Белова.

Значение открытого Г. Д. Беловым в 1936—1937 гг. раннего некрополя для изучения начального периода жизни Херсонеса исключительно велико. Г. Д. Белов вполне правильно делает, рассматривая этот смешанный греко-варварский некрополь как доказательство имевшей место и в Херсонесе этнической (а вместе с тем и культурной) ассимиляции. Можно лишь усомниться в правильности высказываемого предположения о том, что совместное захоронение в одном некрополе варваров и греков якобы говорит о равноправии тех и других в начальную пору жизни Херсонеса. Здесь, конечно, необходимо внести существенное ограничение, поскольку в рабовладельческих античных городах Северного Причерноморья, как мы это теперь хорошо знаем, происходил процесс слияния греков только с верхним социальным слоем варваров, а не со всей массой местного населения.

Само собой понятно, что в книге Г. Д. Белова нашел себе место вопрос о так называемом старом, или страбоновском, Херсонесе (стр. 35 сл.). Согласно сообщению Страбона (VII, 4, 22), воспроизведшего какой-то ближе не известный нам перипл I в. до н. э., несколько западнее древнего Херсонеса, т. е. в районе теперешнего Херсонесского мыса, лежали развалины поселения, названного у Страбона *ἡ παλαιὰ Χερρόνησος*. Эти слова Страбона породили ту длительную, порой принимавшую очень бурные формы дискуссию, последняя вспышка которой имела место относительно недавно, в начале 30-х годов, в связи с поисками «страбоновского Херсонеса» на дне Черного моря.

Трактовка вопроса о так наз. старом, или страбоновском, Херсонесе, данная Г. Д. Беловым, в общем не вызывает возражений. Можно считать теперь твердо установленным, что Херсонес, основанный гераклейцами в V в. до н. э., находился изначально у Карантинной бухты. Никакого переноса города Херсонеса с одного места на другое никогда не происходило.

Все это так. Но Г. Д. Белов склонен, видимо, считать, что версия Страбона о «старом» Херсонесе порождена неточностью бывших в распоряжении географа сведений. Мы не думаем, что есть основания приписывать Страбону (или его источнику) неточность в передаче фактов. Ведь Страбон ничего не говорит о том, что близ Херсонеса, гераклейской колонии, находятся развалины более древнего Херсонеса. У Страбона сказано всего лишь *ἡ παλαιὰ Χερρόνησος κατεσχαμένη*. На основании слов Страбона мы вправе сделать одно безусловно вытекающее из них заключение: в районе Херсонесского мыса находилось какое-то старое поселение, которое во времена Страбона было оставлено жителями и находилось в разрушенном состоянии. Вряд ли поэтому можно говорить, что «раскопки, производившиеся в Херсонесе и у Казачьей бухты, не подтверждали гипотезы о существовании старого Херсонеса». Раскопками Н. М. Печенкина в 1910—1911 гг. были выявлены развалины обширного сельского поселения, занимающего почти весь Херсонесский мыс. Схематический план этого поселения по данным раскопок Н. М. Печенкина воспроизведен у Г. Д. Белова на рис. 5, но, к сожалению, без масштаба. С полным основанием можно полагать, что у Страбона под «старым Херсонесом» подразумевается именно этот поселок, существовавший в период с IV по II в. до н. э.

Вопрос несколько осложняется присутствием на перешейке двух линий оборонительных стен, разделенных одна от другой расстоянием примерно в 160—170 м. С какой целью эти стены были построены? Г. Д. Белов предполагает, что их возвели для защиты мыса, а стало быть, и бывшего на нем поселения, «со стороны степи». Но если только такова была задача указанных оборонительных стен, то у обеих из них фронтальные стороны, снабженные башнями, были бы обращены на восток, в сторону степи. Между тем в действительности дело обстоит не совсем так. У восточ-

ной стены башни, выступающие с внешней стороны, направлены на восток. Но зато вторая, западная, стена имеет башни, которые обращены на запад. Стало быть, стены, пересекающие перешеек, имели в качестве основной цели защитить прежде всего ту территорию, которая заключена между стенами и занимает значительную площадь в промежутке между берегом моря и верховьем Казачьей бухты.

Что представляло собой это огражденное двумя параллельными стенами обширное пространство на перешейке у Казачьей бухты, не было ли здесь поселения городского типа, — мы в точности так и не знаем. С наибольшей вероятностью можно все же думать, что на перешейке были возведены мощные укрепления для того, чтобы препятствовать проникновению врага на территорию Херсонесского мыса, где располагались сельские усадьбы неукрепленного типа (в противоположность усадьбам остальной части Гераклеяского полуострова). Но в то же время оборонительными стенами было создано надежное убежище (*refugium*) для жителей сельского поселения, занимавшего Херсонесский мыс. В случае вражеского набега они могли укрыться в огражденном стенами пространстве, которое могло быть обороняемо как с востока, так и с запада.

Весь этот район опустел в тяжелый период войн со скифами во II в. до н. э. Заброшенным оказалось и убежище, находившееся на перешейке. Это послужило основанием Страбону (точнее, его источнику) отметить «разрушенный старый Херсонес». Археологические исследования на Херсонесском мысе подтвердили сообщение Страбона.

Описывая жизнь Херсонеса в наиболее ранний период, когда в Карантинной бухте образовалась греческая колония, Г. Д. Белов высказывает предположение, что «единственным занятием жителей в этот период была торговля».

Думаем, что указанное представление о хозяйственном быте херсонесцев в начальный период жизни города, безусловно, требует коррективы. Одним из важных выводов современных археологических исследований является установление очень раннего развития внутренней самостоятельной хозяйственной жизни античных городов Причерноморья. Ссылось в качестве одного лишь примера на такой яркий в этом отношении археологический памятник, как архаический дом в Тиритаке, раскопанный в 1938 г. Он очень убедительно рисует основные черты хозяйственной жизни населения во второй половине VI в. до н. э., когда город только что возник. Вещевые находки из архаического дома и ближайшего его окружения (в пределах нижнего слоя) показывают, что жители занимались отнюдь не одной торговлей. Рыболовный промысел, разведение домашнего скота, ткацкое дело на базе использования продуктов животноводства (шерсть), гончарное производство и, прежде всего, выделка простой обиходной керамической посуды — это далеко не полный список тех отраслей хозяйства, которые существовали в Тиритаке в самый ранний период. Вряд ли иначе обстояло дело в Херсонесе и в других городах.

Особенностью экономики Херсонеса, даже в период его наивысшего процветания, было почти всегда напряженное положение с хлебом, поскольку ближайшая сельскохозяйственная округа (Гераклеяский полуостров) пригодна не для хлебных посевов, а главным образом для виноградной культуры, каковая здесь и развивалась интенсивно, особенно в IV—II вв. до н. э. Заботой о снабжении населения Херсонеса хлебом, поступающим из его крымских северо-западных владений, обусловлено было включение в гражданскую присягу требования: свозить и продавать хлеб только в Херсонес. Лишь после удовлетворения потребностей Херсонеса хлеб мог экспортироваться на внешние рынки. Есть основания думать, что вывоз хлеба из Херсонеса никогда не был особенно значительным и по своему объему не мог идти в сравнение не только с хлебным экспортом Боспора, но и Ольвии. Поэтому встречающееся в старой литературе указание на то, что мезийский легат Плавтий Сильван после снятия осады Херсонеса скифами (событие это относится, по видимому, к 65 г.) отправил в Рим большое количество хлеба (а об этом пишет и Г. Д. Белов

на стр. 103 своей книги, ср. также стр. 116), не может не вызвать некоторой настороженности.

Если же обратиться к тому источнику, на который ссылаются в подтверждение вышеуказанной версии о массовом вывозе хлеба из Херсонеса в Рим, то окажется, что версия эта не имеет под собой сколько-нибудь прочного основания. В эпитафии Плавтия Сильвана (CIL, XIV, 3608), после указания на состоявшееся прекращение осады Херсонеса скифским царем, говорится нижеследующее: *Primum ex ea provincia magno tritici modo annonam populi Romani adlevavit*. Речь идет о вывозе в Рим большого количества пшеницы из провинции, т. е. той провинции, наместником которой был Плавтий Сильван, стало быть, из Нижней Мёзии, а не из Херсонеса.

Выше мы упомянули херсонесскую присягу. Этот совершенно исключительный по своему значению эпиграфический памятник, разумеется, нашел себе надлежащее место в работе Г. Д. Белова. Но следовало бы шире использовать такой памятник, поразительно богатый историческим содержанием, и дать к нему еще более подробный комментарий. В частности, нам кажется, что представлялось бы весьма умелым коснуться, хотя бы самым кратким образом, тех вопросов, которые подняты были в недавно появившейся интересной, но спорной статье Е. И. Леви, специально посвященной датировке херсонесской присяги¹. Рассмотрение ряда вопросов, связанных с содержанием херсонесской присяги, значительно обогатило бы характеристику одного из наиболее интересных периодов жизни Херсонеса.

На стр. 56 Г. Д. Белов отождествляет принадлежавший Херсонесу в Крыму город Керкинитиду с скифским городом Каркинитидой, который упоминается Гекатеем и Геродотом. Между тем упоминаемая этими писателями Каркинитида находилась не в Крыму, а западнее Перекопа. Возможно, что в IV в. до н. э. указанный населенный пункт был перенесен оттуда в Крым в связи с передвижением части скифского населения, уходившего из Приднестровья под нажимом активизировавшихся сарматов.

Явным недоразумением является утверждение, будто «в конце II в. до н. э. скифам удалось подчинить себе Боспор, после чего они предприняли завоевательный поход на Херсонес» (стр. 94).

Известно, что Боспор принужден был во II в. до н. э. выплачивать скифам дань, размеры которой все более повышались. Но политически Боспорское государство продолжало оставаться самостоятельным вплоть до момента передачи власти Перисадом V понтийскому царю Митридату Эвпатору.

Подводя итоги, необходимо признать, что книга Г. Д. Белова представляет собой очень нужный и вполне своевременный труд, который заслуживает положительной оценки, как первый в советской исторической литературе опыт сводного очерка истории и истории культуры античного Херсонеса. Написана работа вполне доступным языком, что очень важно, так как книга предназначена не только для специалистов, но и для широкого круга интересующихся древней историей нашей Родины и античной культурой Северного Причерноморья, в частности.

Крайне желателен скорейший выпуск аналогичной книги по средневековому Херсонесу. Что касается рецензируемой книги, то следует пожелать, чтобы ее автор выпустил расширенное переиздание своего труда в виде специальной монографии, в которой были бы представлены более развернуто и фактический материал и те основные положения в трактовке истории Херсонеса, которые в настоящем очерке намечены лишь в общих чертах и порой, может быть, даже несколько схематично ввиду чересчур ограниченных размеров книги.

В. Ф. Гайдужевич

¹ Е. И. Леви, К вопросу о датировке херсонесской присяги, СА, IX, стр. 89—99.